

УДК 82-14

*Р.А. Керимова***КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКАЯ ПОЭЗИЯ «ОТТЕПЕЛИ» И ТЕНДЕНЦИИ ЕЕ РАЗВИТИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА М. МОКАЕВА)**

В статье рассматривается карачаево-балкарская литература эпохи «оттепели». На примере творчества М. Мокаева обозначены основные тенденции в поэзии поэтов-шестидесятников. В работе впервые предпринимается попытка системного рассмотрения наследия М.Х. Мокаева в его тематическом и жанровом разнообразии, поэтика изучается в контексте исторических процессов характерных для XX в. Очевидно, что без рассмотрения поэзии ключевых персоналий невозможно достигнуть объективных и значительных результатов в решении обозначенной задачи. В связи с этим данное исследование дает возможность полноценного включения наследия М. Мокаева в научный оборот.

В результате исследования были раскрыты важнейшие аспекты в развитии художественного сознания карачаево-балкарских авторов эпохи «оттепели», обозначены основные тенденции, определена специфика взаимосвязи преемственности и новаторства.

В работе использовался комплексный подход, комбинирующий элементы сравнительно-типологического, сопоставительно-типологического, системно-целостного и историко-литературного анализа.

Ключевые слова: карачаево-балкарская литература «оттепели», М. Мокаев, поэзия, жанр, сонет.

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-5-1077-1084

Позитивные сдвиги в литературной ситуации наблюдаются в эпоху «оттепели» (середина 1950-х – 1960-е гг.). Неблагоприятные исторические и социальные процессы в стране, обусловленные массовыми репрессиями, актуализировали собственную этническую специфику в поэзии многих регионов. В 1943–1967 гг. литературная жизнь карачаевцев, балкарцев, чеченцев, ингушей и других высланных в Среднюю Азию народов была прервана. «Но эти же трагические события позволили начиная с 60-х годов по-новому взглянуть на устоявшуюся действительность, обнажив новые противоречия, что положило начало тенденции пересмотра многих аксиоматичных установок» [15].

В начале 60-х в карачаево-балкарской литературе появляются новые имена (Т. Зумакулов, М. Мокаев, А. Суюнчев, А. Теппеев, Н. Хубиев, С. Гуртуев, И. Бабаев, А. Семенов, А. Созаев и др.). Безусловно, поэты в первую очередь опирались на художественные традиции К. Мечиева, И. Семёнова, К. Кулиева, но их творчество демонстрировало новое осмысление социально-общественных идей, а усиление национальной специфики в тексте свидетельствовало о частичном преодолении этапа ангажированности. Как отмечает З. Толгуров: «Накопленное балкарской литературой, углубившаяся связь с культурами других народов стали для них благодатной почвой для быстрого роста: они обрели зрелость в очень сжатые сроки» [14, с. 202].

В лирике карачаево-балкарских поэтов-шестидесятников наблюдалась смена тематики и проблематики, идейной направленности, эмоционального тона. Поэты продолжали развивать актуальные в послевоенное время темы (труда, войны, выселения), обращались к нравственно-философской проблематике, но в первую очередь стремились развить психологическое начало в своих произведениях. Изображение природы и состояний души лирического героя осуществляется с опорой на традиционные для национальной культуры поэтические средства.

Данная особенность ярко проявляется в любовной лирике, где душевные переживания раскрываются посредством диалектического осмысления связи человека и природы. Отражая натурфилософские идеи о неразрывности человека и природы, поэты обращаются к народному эпосу. Как отмечал Д.С. Лихачев, «...природа – это выражение души народа», а «пейзаж страны – элемент национальной культуры» [5, с. 71].

Особое место в творчестве М. Мокаева занимает любовная лирика. В книге «Свет Вселенной» (1976) поэт создает произведения философского характера. Здесь чувства выражаются через образность и символику пейзажа, посредством которого автор выстраивает свое индивидуальное лирическое переживание. Пейзаж объективирует внутреннее состояние героя. Описывая эмоции М. Мокаев, использует прием параллелизма, что позволяет передать экспрессию:

Кырдык кёгерсе, балли чакъса, –
сунуучума сени хурметинг.
Кёкню жарыта, Чолпан чыкъса,
кёз туурамда – сени хур бетинг:
андан бир сейир жылыу урады,
суху аязны кери бурады [9, с. 48].

Когда трава зазеленеет, расцветет вишня, –
Думаю о твоей красоте.
Небо освещая, выйдет утренняя звезда,
Перед глазами – твое прекрасное лицо:
От него веет особенным теплом,
Отдаляя сильные ветра.

(Здесь и далее, где это не оговорено, подстрочные переводы наши. – Р.К.).

В поэзии шестидесятников, традиционные в национальной литературе мотивы печали сменяются чувством всепоглощающей, яркой любви: «Кеме батмаз, кьалмабыз тенгсиз, / суймеклигим – толкъунлу тенгиз, / кече, кюн да тынгысыз тургъан, / теренлери жаухардан толгъан» [10. С. 50] (Корабль не утонет, / не останемся без друзей, / любовь моя – бурное море, / и ночью, и днем не знающее спокойствия, / на дне которого полно драгоценных камней).

Также в обозначенный период наблюдается доминирование фольклорных жанров (алгыш (поздравление/пожелание), жыр (песня) и др.). А. Караева отмечает: «Особое значение при овладении литературным мастерством имели для карачаево-балкарских писателей песенные традиции» [3, с. 23]. В творчестве М. Мокаева данные жанры широко представлены («Алгыш» (Пожелание, Поздравление), «Китабымы ачханынглай» (Открывая книгу), «Песня всадника», «Къызчыкъ айтхан жырчыкъ» (Песня девочки), «Бек сыйлы жыр» (Очень почетная песня) и др).

В эпоху «оттепели» национальная поэзия продолжала активно развиваться, внедряя и адаптируя в карачаево-балкарскую словесность различные лирические формы (элегию, эссе, миниатюру, сонет). Данные жанры пытались освоить как корифеи, так и молодые поэты – М. Мокаев, Д. Мамчуева, Б. Лайпанов, и др.

Сохраняя формальные признаки сонета, М. Мокаев стремился органично внедрить эту поэтическую форму в парадигму национальной литературы. Знакомство с западноевропейскими и восточными литературами, позволило ему успешно достигнуть данной цели. «Строгость формы четырнадцатистишия, его стихотворный размер, внутренняя композиция нужны были мне для широких обобщений. Я хотел мою Балкарию вывести на мировую арену...», – рассуждал он [6, с. 197]. В книге «Мост в ущелье» (1985) представлен самый большой цикл сонетов М. Мокаева – «Сонеты Родины моей».

При создании сонетов М. Мокаев ориентировался на правила построения итальянского сонета, который был близок ему «темпераментом». Характеризуя последний, следует сослаться на замечание Г. Гегеля о том, что «особенно итальянцы в своих сонетах дали блестящий пример такого рефлектирующего чувства, которое в определенной ситуации не просто выражает с внутренней сосредоточенностью и непосредственностью настроения тоски, боли, желания и т.д.» [1, с. 526]. Изображая сложную эмоцию, М. Мокаев стремился не утратить национальный колорит создаваемого текста. Так одним из факторов, определяющих специфику поэзии М. Мокаева, является сохранность архаического художественного мышления, что формирует мифопоэтичность текста: «Жылы жауунунг бетими жуа-жуа, / уппа этдим кья ташынгы. / Азат тауларынгда, / жыл сайын жауа-жауа, / кьярын да агъартды башымы. / Азат тауларынгда, жулдузла жана-жана, / сен азмы жырлатдынг жашынгы!» [8, с. 5] (Теплый дождь омывал мое лицо, / когда целовал камень на скале. / От снега падающего каждый год в горах, / поседели мои волосы. / В горах, звезды горя-горя, / мало ли воспевал твой сын!).

Усиление внимания к этнически маркированным текстовым смыслам в определенной степени связано с эпохой «оттепели». Шестидесятники стремятся отстоять внутренние, базовые составляющие этноса, поэтому в их стихах появляются мифологемы дома, отчей земли (Балкария/Карачай), сквозные образы. Посредством их поэты создают художественную реальность, объединяющую архаическое сознание, исторический и социальный опыт с индивидуально-личным. При этом прослеживается тенденция к идеализации жизни народа, интенсивное обращение к этнокультурному материалу (фольклору: обрядам, бытовым традициям, национальным версиям эпоса «Нарты») [4].

Так в северокавказской словесности наблюдается активный процесс переосмысления многих проблем нравственно-философского и социально-психологического характера. В фокусе внимания поэтов оказываются думы о человеческой судьбе, о ее неразрывной связи с Родиной, возрождение религиозного мировоззрения (А. Суюнчев «Родная земля»; Н. Хубиев «Джуртсуз кызычык» (Девочка без Родины); С. Гуртуев «В дождь», «Камни»; А. Семенов «Гора и горец», И. Бабаев «Хвалил бы я...», «Счастье»; А. Созаев «Кыргызстан», «Дождливым вечером» и др.) [15; 12].

Вместе с тем многие поэты не смогли полностью отказаться от политически ангажированной поэзии (М. Мокаев «Песня Джигитов», А. Суюнчев «Ленинни кьолу бла», А. Созаев «Песня красного флага», «Плачь черного флага»; И. Бабаев «Слышу» и др.). Они вошли в советскую литературу с агитационными произведениями и, продолжая творить в последующие годы, так и не избавились от издержек классового мировоззрения. В 1960-е гг. происходит смена поколений национальных писателей и это рельефно прослеживается в истории балкарской литературы.

Безусловно, в творчестве М. Мокаева есть декларативные стихотворения. К примеру, в «Песне джигитов» поэт создает плакатный идеологизированный образ, при этом индивидуальная эмоциональная сфера героя и автора остается не выраженной:

Ленинни байрагъын бийик жюрюте,
халкъны сыйлы антын элте жюрюкте,
минг палахдан ётдюле,
душманны гунч этдиле
къарыулары къая бужгъан жигитле [10, с. 11].

Высоко неся знамя Ленина,
Гордое имя народа сохранив в сердце,
Сто бед преодолели,
Уничтожили врага
Джигиты, сила которых сносит скалы.

Подобные произведения в основном относятся к раннему творчеству М. Мокаева. Став более зрелым поэтом, он стремился освоить достижения различных культур, что позволило ему впоследствии новаторски подойти к решению важнейших вопросов стихосложения и поэтики. Переосмысливая опыт других поэтов, М. Мокаев преобразует ритм стиха, создает новые образы. «Меняется и стиховая пластика – акустичность или осязательность лирического самовыражения определяется раскаленностью или раскованностью внутреннего мира» [6, с. 87].

Творческая судьба таких поэтов как, М. Мокаев, свидетельствует о том, что появившиеся уже в 60-е гг. в национальных литературах авторы представляли новое поколение творцов. Постепенно преодолевая основополагающие черты «классового» искусства советской поэтической школы, они стремились сменить эстетические ориентиры. Сложно утверждать, что поэты реалистического направления сформировали некую «школу», но в их поэзии отчетливо выявляются общие тенденции, что позволяет нам (естественно, с некоторой степенью условности) обозначить некую группу поэтов-единомышленников: С. Гуртуев, И. Бабаев, А. Созаев, М. Мокаев и др.

В творчестве поэтов новой формации наблюдается движение в сторону новоевропейского мышления, ориентация, при которой «человек – мера вещей», он (человек) есть центр и высшая цель мироздания. Основная идея данной философии отличалась от гуманизма тем, что человек рассматривался не с позиции ценностей, а с позиции бытия. В этом аспекте В. Самохвалова отмечает, что «европейские цивилизации в большинстве своем моложе восточных, в них как бы присутствует свойственное молодому ощущению жизни увлечение собственными силами и возможностями, уверенность в своем всемогуществе, порождающее деятельный характер европейской культуры, активизм по отношению к миру» [12, с. 165].

Важно отметить, что именно в творчестве шестидесятников мы наблюдаем тенденцию к антропоцентризму. В частности, в лирике С. Гуртуева основные художественные образы раскрываются через призму антропоцентризма. Если для классика балкарской литературы К. Кулиева камень – это олицетворение стойкости, мужества, то в произведениях С. Гуртуева мы улавливаем некую «приземленность» духовных качеств камня:

О, люди, сколько славных дел свершили
 Вы на земле во имя красоты.
 В сравнении с вами горные вершины
 Не стоят своей гордой высоты.
 Что, горы, ваши вечные седины
 В сравнении с ранней горечью седин
 Людей, из которых в мире ни один
 За свою жизнь и не достиг
 Любви вершины?! [2, с. 20].

В поэзии шестидесятников камень наделяется духовной сферой, но человеческая сущность преобладает над ней, более того, часто проводятся аналогии между человеком и камнем, подтверждая превосходство первого:

Удел мужчины – мужество храня,
 Быть как кремень, рукой ворочать горы.
 Не свалит даже ложь его с коня.
 По-моему, все это – разговоры... [2, с. 50].

Антропоцентризм в творчестве шестидесятников представляется экспрессивным, ярким проявлением художественной антропологии, постулирующей человека как основную философскую категорию в познании бытия. В поэзии М. Мокаева, в контексте антропоцентрических концепций, по-новому осмысляются духовные и эстетические константы взаимосвязи человека с природой. Большинство произведений в сборниках «Турий рог» (1970), «Свет Вселенной» (1976), «Песни белых вершин» (1979) можно охарактеризовать в рамках натурфилософской лирики, где природа является элементом философских дум о бытии.

В художественной системе М. Мокаева выделяется целый пласт художественной образности, раскрывающий древнейшие представления об окружающем человека мире природы и космоса. В мифологическом сознании поэта одной из отправных точек является создание космогонии и объяснение мироздания, при этом небо, земля, солнце, луна и звезды являются устойчивыми базовыми элементами: «Когда твой мир был, как во мгле скала, / Ты в трудный час промолвил: «Свет вернется! Кто видел, чтоб не исчезала / мгла, И не восходили ни луна, ни солнце?»» [10, с. 32].

Произведения М. Мокаева содержат глубоко социальный подтекст, однако поэт достигал философичности с помощью иносказания, иронии, аллегории.

Не такъыр эсе да бу дуня,
 Бирлеге – гъарш майданындан кенг.
 Жулдузлача, ташлача, ийнан,
 Жюрекле да болмайдыла тенг [7, с. 113].

Как бы ни был тесен этот мир,
 Для некоторых – он шире космического пространства.
 Словно звезды, камни, поверь,
 И сердца бывают разными.

Элегии М. Мокаева внушали читателю не идею социального обновления, а, напротив, мысль о возвращении к истокам народной культуры.

В лирике М. Мокаева пейзажные зарисовки создаются с помощью средств изобразительности, детализации, то есть посредством того, что позволяет максимально визуализировать и прочувствовать явления окружающего мира. У него сложно найти стихотворение, в котором не фигурировали бы образы камня, звезды, неба, воды в их символистском, мифопоэтическом смысловом наполнении. К этим образам поэт обращается на протяжении всего творческого пути. Природа родного края в лирике М. Мокаева – источник вечных дум о бытии («Камни молчат», «Колесо мироздания», «О земля моя!», «Как по небу...», «Шел, под горами тягот...», «Удивительно ли, что сгорает звезда...», «Песня всадника», «Рухнут камни — и в безднах исчезнут разверстых...» и др.)

Помимо гор, природа в поэзии М. Мокаева представлена небесными светилами, которые символизируют вечность, связь человека с Богом: «*Кёк айтады: Менден эрикме, / Бу дунияда мен ёмюрлюкме!*» [7, с. 56] (Небо молвит: не отрекайся от меня, / В этом мире вечен я!). Актуализация образов небесных светил в произведениях шестидесятников обусловлена возрождением этнорелигиозного сознания в регионе. Поэты создают индивидуально-авторские новообразования, связанные с небесными образами. К примеру, рассвет может употребляться в значениях надежда, перемены, новый (день, этап в жизни и т. д.): «*Жангы танг ачылды да манга, Мингжылыкъ жол кёрюндю жангы*» [7, с. 45] (Новый день открылся для меня, Путь диною в сто лет показался мне новым). «*День вчерашний до чего же / На былые не похож! / Новый день мой, / день погожий, / Скоро, скоро ли придешь?*» [11, с. 34]. Аналогичные образы встречаются в творчестве А. Созаева: «*Мен сюеме танг аллында / Беш да Тау Эл къанат жайса. / Хар небиз ди иги блур, / Аллах айтса, Аллах айтса*» [13, с. 100]. (Я люблю, когда на рассвете / Пять Горских обществ раскинут крылья. / Все будет у нас хорошо / По милости Божьей, по милости Божьей).

Ранняя советская литература исключала конфессиональную лексику, поэтому природные аналогии не рассматривались в контексте религиозного вероучения (по доктрине которого все в мире создано Богом). После «хрущевской оттепели» концепт «Аллах» становится одним из важных макроконцептов в творчестве карачаево-балкарских поэтов-шестидесятников. При этом в лирических текстах наблюдается сложная, иерархически выстроенная система значений, вербализуемых различными категориями, семантически близкими данному концепту (Бог, Господь, Создатель, Творец, Всевышний). Аллах воспринимается писателями как источник жизни и создатель бытия, он Промыслитель мира. В частности, в индивидуально-авторской картине мира М. Мокаева и А. Созаева религиозная лексика занимает значительное место: «*Эртте биреу жашауну къаргъагъаны / Айтылады таурухда. Аллах анны / Къара сокъур этип къойгъанды бирде, / Ол кёралмазча жарыгъын дунияны*» [7, с. 188] (Один в старину проклял жизнь, / Говорится в преданиях. / И Бог его ослепил однажды за это, / Чтобы он перестал видеть свет мироздания); «*Анасы айтады къайтарып: «Бир Аллах сакъласын жанынгы!» / Дарманлыкъ эталмай, арып, / Ол сёзле кетелле жаууннга*» [14, с. 74] (Мать повторяет снова: «Пусть Аллах хранит тебя!» / От усталости, не имея возможности излечить, / Эти слова забирает дождь).

Небесные символы фигурируют на основе художественно-образного осмысления ассоциаций – психологических связей, объединяющих всевозможные представления о предметах и явлениях окружающей действительности. В творчестве М. Мокаева небесные светила выступают в качестве неотъемлемых частей его индивидуальной образной картины мира. Важность астральных образов в его лирике связана с утверждением идеи глубинной связи человеческой души с природой. В произведениях часто встречается аналогия «человек – звезда»:

Юч шуёхум бар эди – бийик
Кёгюмю жарытхан юч жулдуз,
Жунчусам – эс, къарыу да берлик,
Мен къалмаз ючюн онгсуз, жолсуз [7. С. 50].

Три друга были у меня – освещающие
Мое высокое небо три светила (звезды),
В растерянности придающие силу,
Чтоб не остался я беспомощным, не сбился с пути.

Употребление колоративной лексики (яркое, светлое, черное, красное, алое и т. д.) и температурных значений объясняется стремлением отразить индивидуально-авторскую картину мира. Экспрессивные элементы предназначены для усиления выразительности при обозначении эмоций, воли, мыслей героя. Пейзаж является композиционным элементом в произведениях М. Мокаева и в то же время играет важную роль при раскрытии эмоционального состояния героя:

Осенней ночью я один, в тоске,
Струится время, не неся покоя,
И сам подобен черной я реке,
И ночь вскипает черною рекою... [9, с. 10].

Семантика красок, выразительность контуров в произведениях свидетельствуют о высоте творческого духа поэта, о его слиянии с окружающим миром.

Ол ахшы умутларына тюберми:
Кетерлеми буз булутла кёкледен?
Жюрегим жүрек кьангамы туюди
Анам кеси жангыз кьалгьан кюнледе [2, с. 63].

Достигнет ли он своих мечтаний:
Покинут ли грозовые тучи небо?
Сердце стучится в груди
В дни одиночества матери.

Следуя традициям К. Кулиева, поэты-шестидесятники через образ природы воспевают красоту человеческого подвига. Природа в их лирике всегда очеловечена, ее образы конкретны: «А камень донный, / камень сиротливый / Как будто говорит из темноты: / «Ты, мальчуган, сто раз меня счастливей: / Твои - трава, и солнце, и цветы» [11, с. 10]. «Вижу я из-под ладони / Гриву водопада, - / Резвые Баксана кони / Не истопчут сада [11, с. 15]. «Летний дождь, летний дождь, Бегай по дорожке, Лейся на родимый край И стучись в окошки» [10, с. 16].

Таким образом, на примере лирики М. Мокаева мы описали эволюцию художественного сознания в национальной литературе, вектор его устремленности к субъективно-личностному отражению бытия. Уникальным представляется тот факт, что автор на основе традиционных для мировой литературы тем, сумел создать свой неповторимый стиль, в котором преломились важнейшие тенденции литературы эпохи «оттепели».

Период «оттепели» отмечается как одно из ярких и самобытных явлений в истории карачаево-балкарской культуры, как время творческого расцвета и художественной и социальной активности интеллигенции.

Структурная перестройка идеологического пространства, кардинальные изменения поведенческих и культурных стереотипов, трудности становления системы адаптированных к современному окружению эстетических и морально-нравственных воззрений ощутимо отразились в области художественного творчества. Поэзия шестидесятников характеризуется масштабностью тематического плана, стремлением к исповедальности, философичностью. Личные переживания в ней часто переплетаются с социальной проблематикой. Так поэты стремились охватить основные проблемы бытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гегель Г.Ф. Эстетика: в 4 т. М.: Искусство, 1971. Т. 3. 620 с.
2. Гургуев С.С. Сайламала (Избранное): в 2 т. (на балк. яз.). Нальчик: Эльбрус, 2013. 576 с.
3. Караева А.И. Очерк истории карачаевской литературы. М., 1966. -320 с.
4. Керимова Р.А. Карачаево-балкарская поэзия конца XX- начала XXI века: новое поколение авторов. Нальчик: КБНЦ РАН, 2020. 372 с.
5. Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. М., 1968. № 8. 432 с.
6. Мокаев М.Х. Магомет Мокаев: Биение сердца. Жизнь и творчество / сост. М. Мокаев. Нальчик: Эльбрус, 2008. 248 с.
7. Мокаев М.Х. Избранные произведения: в 2 томах. Стихи и поэмы. Нальчик: Эльбрус, 2001. Т. 2. 416 с.
8. Мокаев М.Х. Мост в ущелье. Нальчик: Эльбрус, 1985. 232 с.
9. Мокаев М.Х. Свет Вселенной. Нальчик: Эльбрус, 1976. 176 с.
10. Мокаев М.Х. Песни белых вершин. Нальчик: Эльбрус, 1979. 119 с.
11. М. Мокаев М.Х. Мельница жизни. Стихи и поэмы. Перевод с балкарского языка. Нальчик: Эльбрус, 2004. 417 с.
12. Самохвалова В.И. Человек и мир: проблемы антропоцентризма // Философские науки. 1992. № 3. С. 161-167.
13. Созаев А. Кюнню кереме (Вижу солнце). 1968, Нальчик: Эльбрус. 26 с.
14. Суюнчев А. Стихотворения и поэмы. Ставрополь: Ставрополье», 2003. 321 с.
15. Толгуров З.Х. Формирование социалистического реализма. Нальчик: Эльбрус, 1974. 237 с.
16. Хубиев Н. Думы земли. 1970, Черкесск: Ставропольское книжное издательство, 49 с.

17. Шаманова-Блимготова Ф.Д. Карачаевская лирическая поэзия. Эволюция жанра в историко-литературном контексте. М.: Илекса, 2017. 272 с.

Поступила в редакцию 06.04.2021

Керимова Раузат Абдуллаховна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы
Институт гуманитарных исследований – филиал
ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН»
360000, Россия, г. Нальчик, ул. Пушкина, 20
E-mail: K.roza07@mail.ru

R.A. Kerimova

**KARACHAI-BALKARIAN POETRY OF "THAW" AND TRENDS IN ITS DEVELOPMENT
(ON THE EXAMPLE OF M. MOKAEV'S OEUVRE)**

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-5-1077-1084

The article examines the Karachai-Balkarian literature of the "Thaw" era. The main trends in the poetry of the sixties poets are outlined by the example of M. Mokaev's oeuvre. This work is the first attempt to systematically consider the heritage of M.Kh. Mokaev in its thematic and genre diversity; poetics is studied in the context of historical processes characteristic of the 20th century. It is obvious that without considering the poetry of key personalities it is impossible to achieve objective and significant results in solving the identified problem. In this regard, this study provides an opportunity to fully integrate M. Mokaev's legacy into scientific circulation.

The study reveals the most important aspects in the development of artistic consciousness of the Karachai-Balkarian authors of the "Thaw" era, identifies the main trends, and defines the specificity of the relationship between continuity and innovation.

The work used an integrated approach, combining elements of comparative-typological, contrastive-typological, systemic-holistic and historical-literary analysis.

Keywords: Karachai-Balkarian literature of the "Thaw", M. Mokaev, poetry, genre, sonnet.

REFERENCES

1. Gegel' G.F. Estetika: v 4 t. [Aesthetics: in 4 volumes]. M.: Iskusstvo, 1971. T. 3. 620 s. (In Russian).
2. Gurtuyev S.S. Izbrannoye: v 2 t. [Favorites in 2 volumes]. Nal'chik: El'brus, 2013. 576 s. (In Balkar).
3. Karayeva A.I. Ocherk istorii karachayevskoy literatury [Essay on the history of Karachai literature]. M., 1966. -320 s. (In Russian).
4. Kerimova R.A. Karachayevskaya poeziya kontsa XX - nachala XXI veka: novoye pokoleniye avtorov [Karachay-Balkarian poetry of the late XX - early XXI century: a new generation of authors]. Nal'chik: KBNTS RAN, 2020. 372 s. (In Russian).
5. Likhachev D.S. Vnutrenniy mir khudozhestvennogo proizvedeniya // Voprosy literatury [The inner world of a work of art] // Questions of literature. 1968. № 8. 432 s. (In Russian).
6. Mokayev M.Kh. Magomet Mokayev: Biyeniye serdtsa. Zhizn' i tvorchestvo / sost. M. Mokayev [Magomet Mokaev: Heartbeat. Life and work / comp. M. Mokaev]. Nal'chik: El'brus, 2008. 248 s. (In Russian).
7. Mokayev M. Kh. Izbrannyye proizvedeniya: v 2 tomakh. Stikhi i poemy [Selected works: in 2 volumes. Poetry and poems]. Nal'chik: El'brus, 2001. T. 2. 416 s. (In Balkar).
8. Mokayev M. Kh. Most v ushel'ye [Bridge to the gorge]. Nal'chik: El'brus, 1985. 232 s. (In Balkar).
9. Mokayev M. Kh. Svet Vselennoy [Light of the Universe]. Nal'chik: El'brus, 1976. 176 s. (In Balkar).
10. Mokayev M. Kh. Pesni belykh vershin [Songs of White Peaks]. Nal'chik: El'brus, 1979. 119 s. (In Balkar).
11. Mokayev M. Kh. Mel'nitsa zhizni. Stikhi i poemy [The mill of life. Poems and poems]. Nal'chik: El'brus, 2004. 417 s. (In Russian).
12. Samokhvalova V.I. Chelovek i mir: problemy antropotsentrizma // Filosofskiye nauki [Man and the World: Problems of Anthropocentrism] // Philosophical Sciences. 1992. No. 3. S. 161-167. (In Russian).
13. Sozayev A. Vizhu solntse [I see the sun]. 1968, Nal'chik: El'brus. 26 s. (In Balkar).
14. Suyunchev A. Stikhotvoreniya i poemy [Poetry and poems]. Stavropol': «Stavropol'ye», 2003. 321 s. (In Balkar).
15. Tolgurov Z.Kh. Formirovaniye sotsialisticheskogo realizma [Formation of socialist realism]. Nal'chik: El'brus, 1974. 237 s. (In Russian).

16. Khubiyev N. Dumy zemli [Dumas of the earth]. 1970, Cherkessk: Stavropol'skoye knizhnoye izdatel'stvo, 49 s. (In Balkar).
17. Shamanova-Blimgotova F.D. Karachayevskaya liricheskaya poeziya. Evolyutsiya zhanra v istoriko-literaturnom kontekste [Karachayevskaya lyric poetry. The evolution of the genre in the historical and literary context]. М.: Илекса, 2017. 272 s. (In Russian).

Received 06.04.2021

Kerimova R.A., Candidate of Philology, Researcher
National Assembly of the Karachay-Balkar Literature Branch,
Institute for Humanitarian Research – a branch of
Federal Research Center “Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”
Pushkina st., 20, Nalchik, Russia, 360000
E-mail: k.roza07@mail.ru